

ЭПИФАНИЯ В РАССКАЗАХ КЭТРИН МЭНСФИЛД

Приходько Вера Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: vera.s.prikhodko@yandex.ru

Мартыненко Екатерина Александровна

студентка 4 курса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: historyOfmine@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена эпифании как литературному приему, характерному для коротких рассказов Кэтрин Мэнсфилд. Краткий обзор теоретических представлений об этом явлении в современной культуре и в эпоху модернизма позволяет выявить правомочность применения данного термина к тому, что сама писательница называла “blazing moments”. Подробно рассматриваются такие аспекты, как характер прозрения, которое является следствием момента эпифании, событие или предмет, его инициирующие, а также стилистическое оформление описания соответствующего момента, с примерами реализации в отдельных рассказах.

Ключевые слова: эпифания, Кэтрин Мэнсфилд, модернизм, короткий рассказ.

Эпифания встречается в литературных произведениях со времен античности. Тем не менее теоретическую оформленность как литературоведческий термин она получила лишь в начале XX в., в первую очередь, благодаря ирландскому романисту Джеймсу Джойсу. Характерные особенности «эпифанического искусства» прослеживаются также в творчестве Ш. Бодлера, А. Рембо, Т. Элиота, М. Пруста и Т. Манна [Фоменко]. К группе этих писателей можно отнести и Кэтрин Мэнсфилд, признанного мастера психологической прозы.

Четкое определение эпифании дать не так просто. Чаще всего в нем обнаруживается близкое родство с изначальным, религиозным, значением этого термина, который «...обозначает проявление божественного присутствия в мире. <...> Эпифания – это символ духовного состояния»¹ [Cuddon: 227]. Джойс, в частности, определил эпифанию в романе «Герой Стивен» (“Stephen Hero”) как «внезапное проявление духовного» [ibid.]. В то же время справедливо утверждение С. Тейлора, что «на рубеже XIX–XX веков эпифанию бытия сменяет эпифания субъективного, фрагментарного опыта, предоставляющая альтернативу выбора» (цит. по: [Фоменко]). Л. Олсон, к примеру, считает, что «эпифании у Джойса тяготеют скорее к противоположному варианту: более “реалистич-

ному” отображению повседневной жизни» [Olsson: 7].

Е. Фоменко в работе «Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса» приводит восемь различных определений эпифании в современной культуре. Это и «конструктивный принцип построения текста, “точка во времени”, уникальное по своей природе мгновение, которое посредством целостной художественной формы сопрягает в едином впечатлении событие и опыт, раскрывает истину через символический фрагмент», и «тип образного мышления, совмещение физической реальности бытия предмета в мире и психической реальности его восприятия», и «философия познания мира через “нечто, что само в себе о себе говорит”, или “то, что само себя в себе показывает”». В таком понимании эпифания сталкивается с проблемой бытия мысли, способами ее существования» [Фоменко]. С феноменологической точки зрения «эпифания представляет собой составной смысл (sense), обобщенный до выражения всего опыта восприятия мира, обнаружение центрального тематического значения (a thematic meaning), утраченного в процессе его “размывания» (sedimentation)» [Natan-son].

Среди всего многообразия подходов и определений важно отметить те, в которых эпифания связывается не только с глубокими

¹ Здесь и далее переводы с английского выполнены авторами статьи.

прозрениями духовного характера, но и с более личными, интимными прозрениями, касающимися смысла и целей отдельной частной жизни. Так, С.Х. Джонсон отмечает, что, хотя эпифания всегда носит мистический, интуитивный и иррациональный характер, она часто бывает глубоко личной и может касаться вопросов самопознания [Johnson]. Л.Р. Хиллс утверждает существование нескольких видов эпифании: как поэтико-прозаических суждений (моментов божественного откровения, постижения каких-либо глобальных вопросов, истин), так и описаний реальных, жизненных происшествий [Hills].

Судя по всему, одним из основополагающих аспектов эпифании становится количественная и качественная несоизмеримость прозрения и вызвавшего его события, которая четко обозначена М. Бежа: «внезапное проявление духовного, вызванное неким объектом, сценой, событием или запоминающейся фразой, – проявление, несоизмеримое по своим масштабам со значимостью того, что его вызвало, или не имеющее с ним строго логической связи» [Beja: 18].

Такое определение все еще остается достаточно узким, поскольку ограничивает эпифанию сферой «духовного». Если итоговым «уровнем» прозрения может стать не только божественная истина, но и индивидуальная судьба, то мы получаем широкое определение, принятое, как отмечает Дж. Ван Гунстерен, в современном англоязычном литерату-

роведении [Van Gunsteren: 80]: «любой опыт, выделяющийся на общем фоне внутренней жизни персонажа благодаря своей исключительной интенсивности» [ibid.]. Или «момент, когда персонаж внезапно осознает нечто, в корне меняющее его жизнь и дальнейшее развитие сюжета. Зачастую эпифанию вызывает незначительное и вполне тривиальное событие повседневной жизни» [Epiphany]. Именно в таком смысле эпифания становится стилиобразующим элементом короткого рассказа Кэтрин Мэнсфилд.

Доминантой художественного мира Кэтрин Мэнсфилд выступает жизнеподобие, то есть максимально достоверное изображение самых обыденных явлений действительности. Ее произведения характеризует необычайная точность воспроизведения чувств, эмоций, внутренней жизни и душевных порывов героев-обывателей с их будничными радостями, горестями, заблуждениями и озарениями [Цветкова]. Стараясь придать своей прозе эмоционально-психологическую достоверность, Кэтрин Мэнсфилд часто обращается к эпифании «более личного свойства» [Beja: 49]: из 75 ее законченных рассказов в 24 можно обнаружить эпизоды, вполне соответствующие данному выше определению. Именно благодаря эпифании эти истории, порой не имеющие четко оформленной завязки или финала и содержащие неисчислимо количество тривиальных бытовых подробностей, приобретают

глубокий психологический смысл, особую мораль и тональность. Для многих зарубежных исследователей творчества Мэнсфилд факт использования эпифании в целом ряде ее рассказов является очевидным [Forward; Olsson; Gilligan; Van Gunsteren; McDonnell]. Этот прием использовался ею сознательно, хотя «Мэнсфилд для обозначения эпифании применяла выражения “момент озарения” (blazing moment), “проблеск” (glimpse) или “центральная точка смысла” (central point of significance)» [Van Gunsteren: 79].

Разумеется, эпифания приобретает в ее творчестве специфические черты. «Во многих рассказах Мэнсфилд героини переживают эпифанию, хотя полное и окончательное понимание (comprehension) такого опыта происходит не всегда. Мы видим скорее некое осознание (awareness), указание, намек (intimation) на переживание, а иногда лишь проблеск (glimpse) опыта, выходящего за рамки повседневной жизни персонажей» [Forward]. «Во многих рассказах, где описывается некая перемена, происходящая с главным героем, повествование выстраивается таким образом, что подводит читателя к кульминационному моменту, где проявляется пропасть между иллюзией и реальностью, как в положительном, так и в отрицательном смысле» [Van Gunsteren: 80].

Задача данного исследования – систематически рассмотреть особенности эпифании в рассказах Кэтрин Мэнсфилд с точки зрения

характера прозрения, которое является следствием момента эпифании; иницирующего прозрение события или предмета; а также стилистического оформления описания соответствующего момента.

Характер психологических последствий, которые может иметь эпифания у Кэтрин Мэнсфилд, может быть как позитивный, так и негативный или неопределенный.

В тех случаях, когда прозрение героя носит позитивный характер, эпифания помогает мгновенно преодолеть социальный или межличностный барьер, осознать ценность того, чем человек уже обладает. Пример такой эпифании находим в рассказе «Кукольный домик» (“The Doll’s House”), где детям семьи Барнел дарят красивый кукольный домик, которым они хвастаются в школе и показывают всем сверстницам, кроме отверженных сестер Келви, чья мать прачка, а отец – преступник. Кезия Барнел, испытывающая жалость к этим девочкам, тайком от родителей показывает им домик, за чем ее и застает тетя Берил. Хотя сестер Келви грубо прогоняют, действия Кезии вызывают у одной из них, всегда мрачной Лил, эпифанию: она улыбается, испытывая прилив радости от того, что на свете есть по-настоящему добрые люди, свободные от социальных предрассудков. Другой пример позитивной эпифании содержится в рассказе «Избавление» (“The Escape”), главный герой которого сталкивается с многочисленными мелкими неудачами: ему и его

спутнице долго не выдают счет в ресторане, их такси задерживается, и они не успевают вовремя на свой поезд. Но внезапно героиня замечает за садовой калиткой дерево с бронзовыми листьями и слышит женское пение. Героиня переживает полноту бытия – в соответствии с узким определением эпифании – осознает, как прекрасна и гармонична жизнь, и понимает, что, несмотря на все неурядицы, он счастлив: «...и когда он стоял там, счастье его было столь велико, что ему хотелось бы жить в нем вечно» [Mansfield: 161]. Другие примеры позитивной эпифании встречаются в рассказах «Психология» (“Psychology”), «В монастырь» (“Taking the Veil”), «Маленькая девочка» (“The Little Girl”), «Черная шляпа» (“The Black Cap”) и «Движение маятника» (“The Swing of the Pendulum”).

В случае эпифании негативной познание истины делает героя несчастным и приводит к тому, что он разочаровывается в себе или в окружающих. Пример такой эпифании находим в рассказе «Солнце и луна» (“Sun and Moon”), повествующем о подготовке к домашнему концерту. Дети с восхищением наблюдают, как украшаются комнаты и сервируется праздничный стол. Они полны ожидания, но ничего, в сущности, не происходит: гости уезжают, оставив после себя беспорядок и грязную посуду. Праздничная атмосфера, которым Сан так восхищался, растаяла. Когда его отец отломал от домика крышу, чтобы отдать сестренке мальчика, Сан не-

ожиданно понял, что взрослые абсолютно не ценят красоту, пусть даже это красота блюд или убранства комнат. Негативная эпифания присутствует и в рассказе «Идеальная семья» (“An Ideal Family”), истории о старом мистере Ниве, потратившем всю жизнь на то, чтобы обеспечить успех своей компании и финансовое благополучие своей семьи. Однажды в его доме устраивается званый вечер, но героиня засыпает, и мероприятие начинается без него. Это обстоятельство заставляет Ниву осознать, что он чужой в своем собственном доме и что эмоциональная близость в семье важнее денег и карьеры, но уже слишком поздно что-то менять, ведь жизнь «прошла мимо него» [Mansfield: 303]. Негативная эпифания также встречается в рассказах «Яд» (“Poison”), «Фрау Фишер» (“Frau Fischer”), «Фрау Бреншенмахер идет на свадьбу» (“Frau Brenchenmacher Attends a Wedding”), «Шестипенсовик» (“Sixpence”), «Виолет» (“Violet”), «Прелюдия» (“Prelude”), «Вечеринка в саду» (“The Garden Party”).

Некоторые произведения Кэтрин Мэнсфилд, где встречается эпифания, имеют открытый финал или неоднозначную концовку, очень характерную для этого автора. С. Маллоне описывает случаи, когда «мы внезапно «выпадаем» из повествования с точки зрения персонажа, и нам показывают его переживания, но не то, как он их осознает и интерпретирует. Мы остаемся в неведении: усвоил ли персонаж урок, изменится ли он, или

нет» [Malone]. Исследовательница вводит для них термин «анти-эпифания», который в свете выделенных выше конститутивных признаков эпифании трудно считать обоснованным, поскольку читателю всего лишь не предоставляется возможность «прочесть» мысли персонажа после пережитого прозрения. Такие случаи можно назвать «неоднозначной» или «скрытой» эпифанией. Пример находим в «Откровениях» (“Revelations”), где героиня, жизнь которой легка и беззаботна, идет в салон красоты к своему любимому парикмахеру, который оказывается чем-то глубоко опечален. В ходе долгих расспросов она узнает о смерти его дочери и неожиданно понимает, насколько в действительности одиноки люди в своих страданиях, а также то, что люди должны бороться с одиночеством, поддерживая друг друга. Но затем она отправляется развлекаться, совершенно забыв об этой истории и о своем намерении отправить парикмахеру цветы и записку с соболезнованиями. Сходные случаи встречаются в рассказах «Маринованный огурец» (“A Dill Pickle”), «Медовый месяц» (“Honeymoon”) и «Сестра баронессы» (“The Sister of the Baroness”).

Важно отметить, что Кэтрин Мэнсфилд не ограничивается в своих рассказах представлением единичного акта эпифании. В некоторых из них присутствует «ложная» и «истинная» эпифания: первая имеет все признаки настоящего прозрения, в том числе

возвышенного духовного переживания, пока случайные обстоятельства не открывают герою истинное положение дел. В «Счастье» (“Bliss”) героиня по имени Берта весь день испытывает радость и блаженство, считая себя счастливейшей женщиной на свете. Вечером она и ее муж дают званый ужин, на котором в числе приглашенных присутствует и ее подруга мисс Фултон. Героиня показывает ей грушевое дерево, которое вызывает у нее эпифанию в джойсовском ключе: Берта постигает полноту жизни и своего счастья, а также испытывает убежденность, что мисс Фултон понимает ее лучше, чем кто бы то ни было. Но в конце рассказа героиня неожиданно становится свидетельницей объяснения в любви мисс Фултон и собственного мужа, после чего возвращается в сад и, глядя на то же самое грушевое дерево, испытывает уже «истинную», «мэнсфилдскую» эпифанию: она осознает, что необъяснимое блаженство ее состояло в неведении.

Важным элементом эпифании выступает деталь повествования, играющая роль катализатора, «спускового крючка» (trigger), который заставляет героя пережить прозрение и в композиционном плане непосредственно предшествует моменту эпифании.

В качестве такого катализатора может выступать какая-то значимая деталь интерьера, пейзажа или портрета. Примером могут служить: уничтожение пряничного домика («Солнце и луна»), тело погибшего сосе-

да и горе на лицах его родных («Вечеринка в саду»), некрасивая шляпа любовника героини («Черная шляпа»), бледность парикмахера, потерявшего дочь («Откровения»), выражение на лице сына героя в рассказе «Шестипенсовик». В рассказе «Прелюдия», повествующем о нескольких днях семейства Барнел, переехавшего в новый дом, Линда, мать семейства, осознает, что жизнь абсурдна, а человеческое бытие неизменно, когда смотрит на алоэ, которое является на языке цветов символом долголетия. Ее сестра Берил понимает, что она никогда не бывает искренней с окружающими, рассматривая свое отражение в зеркале.

В других случаях прозрение инициируется случайно услышанным словом или фразой, приобретающей особый смысл. В рассказе «Мисс Брилл» (“Miss Brill”) героиня, наблюдая за посетителями парка, думает о том, что во время воскресной прогулки между людьми возникают какие-то особые отношения, и представляет себя актрисой, без которой еженедельное «воскресное представление» немислимо. Но, случайно подслушав, как двое подростков обсуждают ее и смеются над меховым воротником, которым она так гордится («Зачем она вообще сюда приходит, кому она нужна? Сидела бы дома, нелепая старушенция! – Воротник у нее особенно дурацкий» [Mansfield: 271]), героиня понимает, что прогулка в парке вовсе не объединяет людей, а она сама никому не нужна.

Слова насмешки раскрывают перед ней всю глубину ее одиночества. Подобный «спусковой крючок» находим в рассказе «Маринованный огурец», где бывший возлюбленный заявляет героине, что их связь была «тривиальным случаем». Среди других примеров: глупые советы, которые дает героине Фрау Фишер («Фрау Фишер»), и комичное признание в любви студента предполагаемой сестре баронессы («Сестра баронессы»).

Наконец, эпифания может быть вызвана какими-то неожиданными действиями окружающих. Например, в рассказе «Маленькая девочка» суровый отец неожиданно проявляет доброту к напуганной дочери. Здесь же стоит упомянуть поступок Кезии в «Кукольном домике», смех друзей героини над любовным письмом к ней ее мужа в рассказе «Модный брак», поступок домочадцев мистера Нила в «Идеальной семье», неподобающий подарок и пошлые намеки гостей в рассказе «Фрау Бреншенмахер идет на свадьбу» и пение старого испанца в «Медовом месяце». Героиня рассказа «Движение маятника», презирающая своего возлюбленного Казимира за то, что у него нет денег и он никак не может достичь успеха как писатель, подвергается нападению обаятельного незнакомца, которого сама же по наивности впускает в свою квартиру. После того как ей удастся отбиться, она проникается уважением к своему возлюбленному: борьба с незнакомцем заставляет ее понять, что Казимир тоже изо

всех сил пытается преуспеть в жизни: «... как и она сама, он отдален от мира, борется с ним, как и ей пришлось бороться только что» [Mansfield: 658].

Катализатором могут выступать не только реальные, но и воображаемые действия. Примером этому служит рассказ «В монастырь», где юная героиня, читающая любовные романы, воображает, что без памяти влюблена в актера, и представляет свое трагическое будущее. Сцена скорби родных и появление убитого горем жениха заставляют ее понять, как много счастья в ее настоящей жизни.

Говоря о тех деталях, которые вызывают эпифанию персонажей Мэнсфилд, необходимо отметить, что лишь некоторые из них соответствуют тем определениям данного термина, где такая деталь должна быть тривиальной, незначительной и никак не связанной с сущностью прозрения героя. Среди примеров: дерево с бронзовыми листьями («Избавление»), напиток со странным привкусом («Яд»), букет фиалок («Психология»), цветок алоэ («Прелюдия»), грушевое дерево («Счастье»). Однако стоит напомнить, что в последнем рассказе именно переживания, вызванные созерцанием дерева, оказались позднее грубо разрушены реальностью. Очевидно, что Кэтрин Мэнсфилд не придавала такому виду эпифании большего значения, чем «приземленному» ее варианту, сохраняющему логическую связь между катализатором и характером прозрения.

Как уже упоминалось ранее, эпифания – это откровение, благодаря которому герой осознает то, о чем никогда не задумывался, начинает видеть то, чего раньше не замечал. Эпифанический эффект (внезапность, таинственность и иррациональность прозрения) строится на основе того, как описывается момент осознания. Кэтрин Мэнсфилд уделяет большое внимание его стилистическому оформлению.

Описание момента эпифании может иметь «внешний» или «внутренний» характер. «Внешняя» эпифания встречается в рассказах «Солнце и луна», «Кукольный домик», «Мисс Брилл», «Немцы за обедом» (“Germans at Meat”), «Фрау Фишер», «Сестра баронессы», «Вечеринка в саду», «Яд», «Виолет», «Психология», «Маринованный огурец». Она строится на уровне композиции за счет взаимодействия героев, вступающих в диалоги, и событийного ряда. О внезапном осознании героями истины можно судить лишь по тому, как меняется их поведение. Например, прозрение холодной и строгой к окружающим героини рассказа «Психология» становится явным в ее неожиданной нежности к соседке и последовавшему письму к другу-возлюбленному, с которым до этого она поклялась больше не говорить и не встречаться.

В некоторых рассказах «внешняя» эпифания маркируется с помощью стилистических фигур и тропов («Солнце и луна», «Яд»,

«Виолет»). Например, в рассказе «Солнце и луна» используется повтор: «По-моему, это просто ужасно-ужасно-ужасно» [Mansfield: 125], который передает эмоционально-возбужденное состояние героя.

Тем не менее в большинстве рассказов для выделения «внешней» эпифании особые художественно-выразительные средства не используются. Предложение, из которого можно понять, что герой осознал некую истину, не осложнено ни семантически, ни синтаксически. Оно передает простые, единичные действия, но в контексте всего произведения имеет огромное значение, которое подчеркивается двумя способами: графически, так как оно всегда начинает новый абзац и нередко является единственным в нем, и логически, ведь его использование часто сопровождается смысловым разрывом с предыдущим абзацем. Это можно наблюдать на примере рассказа «Маринованный огурец», в котором когда-то любившие друг друга мужчина и женщина случайно встречаются в кафе после шестилетней разлуки, и героиня начинает подумывать о возобновлении их связи. Внезапно она переживает эпифанию, услышав от собеседника фразу, за которой сразу следует фигура умолчания, отмеченная многоточием: «...и я понял, что ничего особенного в наших отношениях не было. Это вполне тривиальный вариант...» [Mansfield: 138]. Следующий абзац начинается предложением «Ее уже не было» [ibid.]. Этот смыс-

ловой разрыв демонстрирует внутреннюю перемену, происшедшую с героиней, которая осознала невозможность возврата к прошлому и неспособность бывшего возлюбленного понять ее.

В некоторых рассказах «внешняя» эпифания проявляется через использование детали-символа. Например, в рассказе «Виолет» главная героиня рассказывает повествователю о своем поцелуе с молодым человеком, который был помолвлен с другой, как о величайшей трагедии своей жизни. Поначалу эта история вызывает у слушателя недоумение: «И ты хочешь сказать, что это все?» [Mansfield: 497], но потом он осознает, что слишком порочен, чтобы понять честную и невинную Виолет. В этом рассказе читатель догадывается о прозрении повествователя благодаря тому, как он описывает одну из деталей пейзажа – городской фонтан: «И после длинной паузы я услышал журчание маленького фонтана: в нем звучали и лукавство, и насмешка – и мне подумалось, что это я был смешон, а вовсе не Виолет» [ibid.].

Другой способ оформления момента эпифании можно назвать «внутренним», где состояние героя описывается непосредственно, с помощью несобственно-прямой речи. Например, в рассказе «Медовый месяц» молодожены Фанни и Джордж слушают в кафе грустную песню старого испанца и испытывают противоположные чувства. Прозрение героини затрагивает этическую проблему:

вправе ли человек радоваться жизни, когда столько людей несчастны. Ее мысли передаются с использованием множества риторических вопросов: «Неужто жизнь бывает и такой тоже?», «А было ли у них с Джорджем право на счастье? Может, это слишком бессердечно? <...> Что это?» [Mansfield: 330]. Острота проблемы подчеркивается также анафорой и синтаксическим повтором: “There are people like this. There is suffering” («Существуют такие люди. Страдание существует») [ibid.]. Эпифанию абсолютно противоположного характера испытывает Джордж, неожиданно осознающий полноту своего счастья. Несобственно-прямая речь, описывающая его прозрение, характеризуется большей степенью разговорности: в ней встречаются просторечные выражения (“poor boy” (бедолага), “God!” (Боже!), “terrific thing” (потрясающая штука), “chap” (парень)), восклицательные предложения, передающие восхищение и радость героя («Как это было чудесно!», «...как же здорово было, что у них все только начиналось...!») [ibid.]).

Эпифания, переданная с помощью несобственно-прямой речи, встречается также в рассказах «Откровения», «Идеальная семья», «В монастырь», «Шестипенсовик», «Маленькая девочка», «Модная свадьба» (“Marriage à la mode”), «Медовый месяц», «Движение маятника», «Прелюдия».

В некоторых рассказах мыслительный процесс героя передается более непосред-

ственно – в прямой речи. Примером может служить рассказ-пьеса «Черная шляпа», где повествуется о женщине, отказавшейся от своего намерения бежать от мужа из-за того, что шляпа ее любовника изменила его лицо до неузнаваемости, и она поняла, что оставляет мужа ради незнакомца. В этом рассказе речь повествователя сведена к минимуму, и переживания героини передаются непосредственно в ее монологе, стиль которого близок к разговорному, в нем присутствуют просторечные выражения, например, “I mean” (в смысле), “isn’t my style at all” (не в моем духе). Предложения, передающие эпифанический момент, связаны лексическим повтором, при этом второе является риторическим восклицанием: “I could not possibly love a man who wore a cap like that. I couldn’t ever have got to know him!” («Никогда не смогла бы я полюбить человека, надевшего такую шляпу. Я не смогла бы с ним даже познакомиться!») [Mansfield: 546].

Таким образом, эпифания в рассказах Кэтрин Мэнсфилд имеет ряд отличительных особенностей. Прозрение персонажа может иметь позитивное или негативное влияние на его мировосприятие, в отдельных случаях его «последствия» могут оставаться для читателя неочевидными. Причем, чаще всего в творчестве Кэтрин Мэнсфилд встречается негативная эпифания, иногда даже перечеркивающая предшествующий возвышенный опыт. В качестве катализатора эпифании вы-

ступают фразы, внезапно приобретающие особый смысл, значимые детали интерьера, пейзажа или портрета, а также реальные или воображаемые действия окружающих или самого героя. Причем значимые детали и действия встречаются в этой роли более часто. И большинство из них имеют логическую связь с сущностью прозрения, хотя и несоизмеримы с нею по значимости и глубине. Акт прозрения оформляется как через действия персонажей («внешне»), так и за счет передачи внутреннего состояния героя через несобственно-прямую или прямую речь. Последний способ встречается значительно чаще, хотя первый, несомненно, привлекает больше внимания своей недосказанностью и загадочностью.

Кэтрин Мэнсфилд любила повторять: «Жизнь многих людей поделена на такое множество мелких кусочков, что они сами не в силах найти их» [Цветкова]. Именно с помощью эпифании писательница показывает, как герои заново открывают для себя эти «кусочки» жизни и полностью переосмысливают свою жизнь или отношение к миру.

Литература и источники

Фоменко, Е.Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса. Дисс. ... докт. филол. наук, Запорожье, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joyasa8.htm> (дата обращения: 17.02.2016).

Цветкова, Н.А. Особенности малого жанра в творчестве Кэтрин Мэнсфилд: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Балашов, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/osobennostimalogo-zhanra-v-tvorchestve-kjetrin-mjensfeld.html> (дата обращения: 17 февраля 2016).

Beja, M. (1971). *Epiphany in the modern novel*. London: Owen.

Cuddon, J.A. (1999). *Dictionary of literary terms and literary theory*. London: Penguin.

Epiphany: definition and examples. (n.d.). Retrieved from: <http://www.literaryterms.net/epiphany/> (date of access: 17.02.2016).

Forward, S. (n.d.). *An introduction to Katherine Mansfield's short stories*. 20th century literature. Retrieved from: <http://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/an-introduction-to-katherine-mansfields-short-stories> (date of access: 17.02.2016).

Gilligan, R. (n.d.). "Bliss" and "The Garden Party". Modernism lab essays at Yale University. Retrieved from: https://modernism.research.yale.edu/wiki/index.php/'Bliss'_and_'The_Garden_Party' (date of access: 17.02.2016).

Hendry, I. (1946). Joyce's epiphanies. *Sewanee Review*, 54, 449-467.

Hills, L.R. (2000). *Writing in general and the short story in particular*. New York: Houghton. Retrieved from: [https://books.google.ru/books?id=AJSDaVvnhMoC&printsec=frontcover&dq=Hills,+L.+R.+\(2000\).+Writing+in+General+and+the+Short+Story+in+Particular&hl=r](https://books.google.ru/books?id=AJSDaVvnhMoC&printsec=frontcover&dq=Hills,+L.+R.+(2000).+Writing+in+General+and+the+Short+Story+in+Particular&hl=r)

u&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access: 17.02.2016).

Johnson, S.H. (1992). *The space between: literary epiphany in the work of Annie Dillard*. Kent, Ohio: Kent State University Press. Retrieved from: <https://books.google.ru/books?id=Gac1v-Q8z7UC&printsec=frontcover&dq=The+Space+Between:+Literary+Epiphany+in+the+Work+of+Annie+Dillard&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjN86Kir-QAhWDKiwKHYQbB8MQ6AEIJTAA#v=onepage&q=The%20Space%20Between%3A%20Literary%20Epiphany%20in%20the%20Work%20of%20Annie%20Dillard&f=false> (date of access: 17.02.2016).

Malone, S. (2016). *Anti-Epiphanyes: Thoughts on Katherine Mansfield's endings*. Retrieved from: <http://sarahwrotethat.com/post/363938896/antiepiphaniesthoughtsonkatherinemansfields>.

Mansfield, K. (2006). *The collected stories*. Hertfordshire: Wordsworth.

McDonnell, J. (2010). *Katherine Mansfield and the modernist marketplace: at the mercy of the public*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Natanson, M. (2012). *Literature, Philosophy, and the Social Sciences: essays in Existentialism and Phenomenology*. The Hague: Martinus. Retrieved from: [https://books.google.ru/books?id=FRQrBgAAQBAJ&pg=PA92&dq=13.%09Natanson,+M.+\(2012\).+Literature,+Philosophy,+and+the+Social+Sciences:+Essays+in+Existentialism+and+Phenomenology&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjn-82Yse_QAhVMhSwKHe3RBb0Q6AEIG](https://books.google.ru/books?id=FRQrBgAAQBAJ&pg=PA92&dq=13.%09Natanson,+M.+(2012).+Literature,+Philosophy,+and+the+Social+Sciences:+Essays+in+Existentialism+and+Phenomenology&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjn-82Yse_QAhVMhSwKHe3RBb0Q6AEIG)

[jAA#v=onepage&q=13.%09Natanson%2C%20M.%20\(2012\).%20Literature%2C%20Philosophy%2C%20and%20the%20Social%20Sciences%3A%20Essays%20in%20Existentialism%20and%20Phenomenology&f=false](http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:897298/FULLTEXT01.pdf) (date of access: 17.02.2016).

Olsson, F. (2016, January 4). *The flourishing epiphany of "The Garden Party"*. Bachelor's Thesis, Linnaeus University. Retrieved from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:897298/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 17.02.2016).

Van Gunsteren, J. (1990). *Katherine Mansfield and literary Impressionism*. Amsterdam: Rodopi. Retrieved from: https://books.google.ru/books/about/Katherine_Mansfield_and_Literary_Impress.html?id=qpyyh6KJF4QC&redir_esc=y (date of access: 17.02.2016).

References

Beja, M. (1971). *Epiphany in the modern novel*. London: Owen.

Cuddon, J.A. (1999). *Dictionary of literary terms and literary theory*. London: Penguin.

Epiphany: definition and examples. (n.d.). Retrieved from: <http://www.literaryterms.net/epiphany/> (date of access: 17.02.2016).

Fomenko, E.G. (2006). *Lingvotipologicheskoe v idiostile Dzhejmsa Dzhosja* [Linguo-stylistic type of James Joyce's style]. PhD Thesis. Zaporozh'ye. Retrieved from: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joysa8.htm> (date of access: 17.02.2016).

Forward, S. (n.d.). *An introduction to Kath-*

erine Mansfield's short stories. 20th century literature. Retrieved from: <http://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/an-introduction-to-katherine-mansfields-short-stories> (date of access: 17.02.2016).

Gilligan, R. (n.d.). "Bliss" and "The Garden Party". Modernism lab essays at Yale University. Retrieved from: https://modernism.research.yale.edu/wiki/index.php/'Bliss'_and_'The_Garden_Party' (date of access: 17.02.2016).

Hendry, I. (1946). Joyce's epiphanies. *Seawanee Review*, 54, 449-467.

Hills, L.R. (2000). *Writing in general and the short story in particular*. New York: Houghton. Retrieved from: [https://books.google.ru/books?id=AJSaVvnhMoC&printsec=frontcover&dq=Hills,+L.+R.+\(2000\).+Writing+in+General+and+the+Short+Story+in+Particular&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false](https://books.google.ru/books?id=AJSaVvnhMoC&printsec=frontcover&dq=Hills,+L.+R.+(2000).+Writing+in+General+and+the+Short+Story+in+Particular&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false) (date of access: 17.02.2016).

Johnson, S.H. (1992). *The space between: literary epiphany in the work of Annie Dillard*. Kent, Ohio: Kent State University Press. Retrieved from: <https://books.google.ru/books?id=Gac1v-Q8z7UC&printsec=frontcover&dq=The+Space+Between:+Literary+Epiphany+in+the+Work+of+Annie+Dillard&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjN86Kir-QAhWDKiwKHYQbB8MQ6AEIJTAA#v=onepage&q=The%20Space%20Between%3A%20Literary%20Epiphany%20in%20the%20Work%20of%20Annie%20Dillard&f=false> (date of access: 17.02.2016).

Malone, S. (2016). *Anti-Epiphanies: thoughts on Katherine Mansfield's endings*. Retrieved at: <http://sarahwrotethat.com/post/363938896/anti-epiphaniesthoughtsonkatherinemansfields>.

Mansfield, K. (2006). *The collected stories*. Hertfordshire: Wordsworth.

McDonnell, J. (2010). *Katherine Mansfield and the modernist marketplace: at the mercy of the public*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Natanson, M. (2012). *Literature, Philosophy, and the Social Sciences: essays in Existentialism and Phenomenology*. The Hague: Martinus. Retrieved from: [https://books.google.ru/books?id=FRQrBgAAQBAJ&pg=PA92&dq=13.%09Natanson,+M.+\(2012\).+Literature,+Philosophy,+and+the+Social+Sciences:+Essays+in+Existentialism+and+Phenomenology&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjN82Yse_QAhVMhSwKHe3RBb0Q6AEIGjAA#v=onepage&q=13.%09Natanson%2C%20M.%20\(2012\).%20Literature%2C%20Philosophy%2C%20and%20the%20Social%20Sciences%3A%20Essays%20in%20Existentialism%20and%20Phenomenology&f=false](https://books.google.ru/books?id=FRQrBgAAQBAJ&pg=PA92&dq=13.%09Natanson,+M.+(2012).+Literature,+Philosophy,+and+the+Social+Sciences:+Essays+in+Existentialism+and+Phenomenology&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjN82Yse_QAhVMhSwKHe3RBb0Q6AEIGjAA#v=onepage&q=13.%09Natanson%2C%20M.%20(2012).%20Literature%2C%20Philosophy%2C%20and%20the%20Social%20Sciences%3A%20Essays%20in%20Existentialism%20and%20Phenomenology&f=false) (date of access: 17.02.2016).

Olsson, F. (2016, January 4). *The flourishing epiphany of "The Garden Party"*. Bachelor's Thesis, Linnaeus University. Retrieved from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:897298/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 17.02.2016).

Tsvetkova, N.A. (2006). *Osobennosti malogo zhanra v tvorchestve Katherine Mansfield* [Genre features of Katherine Mansfield's short stories].

Doctoral Dissertation, Balashov. Retrieved from: <http://www.dslib.net/literatura-mira/osobennosti-malogo-zhanra-v-tvorchestve-kjetrimjensfild.html> (date of access: 17.02.2016).

Van Gunsteren, J. (1990). *Katherine Mansfield*

and literary Impressionism. Amsterdam: Rodopi. Retrieved from: https://books.google.ru/books/about/Katherine_Mansfield_and_Literary_Impress.html?id=qpyyh6KJF4QC&redir_esc=y (date of access: 17.02.2016).

EPIPHANY IN KATHERINE MANSFIELD'S SHORT STORIES

Vera S. Prikhodko, PhD, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vera.s.prikhodko@yandex.ru.

Ekaterina A. Martynenko, 4th-year student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vera.s.prikhodko@yandex.ru.

Abstract. The article explores epiphany as a literary stylistic device, used by Katherine Mansfield in many of her short stories. A brief summary of the contemporary theory of epiphany and its modernist concept seeks to justify the application of this term in its broadest meaning to the cases under consideration, called “blazing moments” by Mansfield. Then follows a detailed overview of the types and cases epiphany assumes in her stories, in terms of the consequences it has for the character, the trigger, and the formal ways and means used to describe the moment itself.

Key words: epiphany, Katherine Mansfield, modernism, short story.

